

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ МГУ
ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

«НА МЕЖЕ МЕЖ ГОЛОСОМ И ЭХОМ»

СБОРНИК СТАТЕЙ В ЧЕСТЬ
ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ЦИВЬЯН

МОСКВА 2007

Платен К.Х., фон. Стединк: Курт фон Стединк (1746–1837) — космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. М., 1999.

Пыпин А.Н. Массонство в России. М., 1997.

Серков А.И. Русское масонство: 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.

Соколовская Т. Массонские системы // Массонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. 2.

Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. СПб., 2001.

Шильдер Н.К. Император Павел I: Историко-библиографический очерк. М., 1997.

Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.

Fersen S. — *Lettres de la comtesse Sophie Fersen — au prince Alexandre Kourakin*// АКК. Саратов, 1899. Т. VIII.

Kermina F. Hans-Axel de Fersen. Paris, 2001.

Wahlstrom L. *Gustavianskie studier: Historiska utkast fran tidevarvet 1772–1809*. Stockholm, 1914.

Елена Погосян (Эдмонтон)

УРОКИ ИМПЕРАТРИЦЫ:

ЕКАТЕРИНА II И ДЕРЖАВИН В 1783 ГОДУ

1783 г. можно считать началом своеобразного диалога между императрицей Екатериной II и Г.Р. Державиным: в этом году была напечатана ода Державина «Фелица», началось издание журнала «Собеседник любителей русского слова», где участвовали и поэт, и императрица, наконец, была основана Российская академия, за работой которой внимательно следила Екатерина и активным членом которой был Державин.

История оды «Фелица» хорошо известна со слов самого Державина: он написал ее в 1782 г., но по совету друзей решил не печатать, поскольку портрет вельможи, данный в этой оде, должен был задеть многих из ближайшего окружения императрицы. Однако весной 1783 г., через приятеля Державина О.П. Козодавлева, ода против воли автора распространилась в списках и попала в руки княгине Е.Р. Дашковой, которая как раз готовила к печати первый выпуск журнала «Собеседник любителей русского слова». Дашкова напечатала здесь «Фелицу» без ведома Державина (журнал вышел в мае 1783 г.) и поднесла журнал императрице. «На другое утро рано императрица посылает за ней. Дашкова застаёт ее прослезившеюся, с журналом в руках. „Кто, — спросила она, — автор ‘Фелицы’, который меня так тонко знает?“ Через несколько дней, когда Державин по обыкновению обедал у своего начальника, князя Вяземского, скоро после стола сказывают ему, что его спрашивает почтальон. Он выходит и получает большой конверт с надписью: „Из Оренбурга от киргиз-кайсацкой царевны Державину“. В конверте была золотая табакерка, осыпанная брильянтами, и в ней пятьсот червонцев» [Грот, 199].

Исследователи «Фелицы» рассматривают публикацию оды как переломный момент и в поэтической, и в государственной карьере Державина. Ода «Фелица», по словам Владислава Ходасевича, автора известной биографии поэта, имела «решительное влияние» на всю жизнь Державина: в одночасье она сделала его знаменитостью и принесла ему «такую шумную литературную славу, какой Россия до сих пор не видывала». Кроме того, «она разом ставила Державина очень высоко, как бы вводила его в круг людей, с которыми императрица шутит» [Ходасевич, 104, 106]. Более того, публикация «Фелицы» стала переломным моментом в истории русской оды в целом, как в сфере стилистики, так и в сфере ее топики и идеологии. Так, Анна-Лиса Крон, автор последней по времени книги о Державине, включила главу о «Фелице» в раздел «Повышение статуса

поэта и поэзии: независимость Державина *в моральной сфере*. Она пишет: «Державин значительно изменил [статус] одописца, а в связи с этим изменился и панегирик как жанр. Он поместил одического певца (себя самого) *внутри оды*¹, в непосредственной близости от «великих мира сего», и сделал поэта яркой индивидуальностью, живым персонажем в этом мире. Оказавшись внутри одического мира, певец обращается все более и более свободно с жанром и одическим субъектом, сначала осторожно и в шутку представляет поэта таким же, как и «великие мира сего». [а потом] даже *уравнивая его с ними в добродетели*» [Сроче, 116]. С этим рассуждением трудно не согласиться. Всякий панегирик, в силу своей функции, существует только в особом «ритуальном пространстве», которое определяет правила адресования и публикации, например, оды, реакцию со стороны ее адресата, претензии и амбиции панегириста, в конечном итоге — отношения монарха и поэта. Новаторская ода, какой была «Фелица», вне зависимости от воли автора, должна была трансформировать, «переопределять» такое «ритуальное пространство», влиять на статус панегириста.

Процесс этот, однако, был не только длительным и многоступенчатым, как показала А.-Л. Крон, он осложнялся тем, что в него были вовлечены и адресат, и адресант оды: и поэт, и императрица. При этом именно императрица, по крайней мере в 1783 г., ратовала за независимость одописца и требовала, чтобы он был носителем тех моральных ценностей, о которых пишет Крон. Отношения Державина и императрицы не были простыми, не случайно награда Державину была послана императрицей «под рукой», а внешне как будто бы крайне успешный дебют Державина-панегириста в мае 1783 г. привел к отставке статского советника Державина уже в феврале 1784 г.² Следует поэтому подробнее остановиться на том, что происходило в течение 1783 г. между Екатериной и Державиным. В настоящей статье мы попытаемся показать, что это был не триумф и быстрое возвышение обретенного императрицей панегириста, а процесс воспитания подданного монархом, то, что Екатерина считала одной из важнейших своих задач и что, как свидетельствуют ее историки, ей так хорошо удавалось. Но в данном случае подданный был панегиристом, а потому воспитание подданного оборачивалось активным вмешательством власти в процессы литературной эволюции. Впрочем, в 1783 г. Екатерина еще книг не запрещала и авторов не ссылала.

Успех «Фелицы» и крайне положительная реакция на нее императрицы не вызывает сомнения у исследователей Державина. Историки литературы, как правило, помнят про табакерку, но настойчиво пропускают другие замечания о публикации оды в «Записках Державина». А они, как отметил еще Я.К. Грот, звучат не совсем однозначно. «Что „Фелица“ была принята

императрицею милостливо, — пишет Грот, — ясно из пожалованной Державину награды: но насчет того, *как высказывалась об этой оде императрица при дворе*, есть у самого Державина два не совсем согласных между собою известия. В одном он говорит, что *она разослала оттиски* тем приближенным, на которых в оде были намеки, и притом подчеркнула относившиеся к каждому стихи. В другом месте сказано, что хотя императрице очень понравилась ода, но *она скрывала это от придворных* и подавала вид, будто не принимает на свой счет похвал поэта, дабы и вельможи не относили к себе смелой, хотя и тонкой его критики. <...> Потому-то, как думает Державин, и *подарок был пожалован под рукою*» [Грот, 200].

Державин в «Записках» указывает, что он получил табакерку в самом начале мая. Но журнал Дашковой вышел не ранее 20 мая. Грот предположил, что Екатерина действительно познакомилась с одой в начале мая, еще до выхода журнала из печати, тогда же разослала оттиски приближенным и передала Державину табакерку [Державин, I, 158]. Это косвенно подтверждает и письмо Державина В.В. Капнисту, которое Гроту известно не было. Письмо датировано 11 мая 1783 г., и в нем Державин пишет: «Дщерь же моя теперь Фелица Гавриловна скачет по городу, подыма хвост, и всяк ее иметь желает. *Старик* надевает очки, *глухой* протягивает уши, *лакомка* при вестфальской ветчине делает глотки, *любопытной* тает нежностью в беседке, *ездок* при бегуне присвистывает, *невежи* в Библии находят источник просвещения, *вельможа* умеренность одобряет, *подагрик* ходит, *шут* умнеет. Словом, всяк ею любит и радуется» [Кононко, 78]. То есть 11 мая, как можно полагать, ода есть у тех немногих, кто получил копию от императрицы («старик», «глухой», «лакомка», «любопытный», «ездок», «невежа», «подагрик», «шут»), но «всяк» ее хочет иметь. Отметим сразу же, что уже эта ситуация отражает одну из особенностей того своеобразного диалога между Екатериной и Державиным, который завязался в первых числах мая и будет вестись на протяжении всего 1783 г. Здесь, как и в других случаях, публикации запаздывают и отражают лишь часть происходящего. Как правило, Екатерина полностью контролирует завязавшийся диалог и поворачивает его так, как считает нужным: Державин вынужден гадать и подстраиваться по ходу происходящего, он никогда не знает, каковы правила его игры с императрицей, а правила постоянно меняются; наконец, читающая публика вынуждена опираться на слухи и толки, чтобы понять, что же происходит³.

Письмо Капнисту не было единственным письмом Державина этого периода, где он говорит о «Фелице». Уже ночью, после получения подарка от императрицы, Державин пишет три других письма: Дашковой, Козодавлеву и своему давнему покровителю князю А.А. Безбородко. «За содействие к такому блестящему успеху Державин считал себя обязанным трем

лицам <...>. Получив подарок от «киргиз-кайсацкой царевны», Державин <...> написал благодарственные письма ко всем троим» [Грот, 200].

Посылая письмо Дашковой [Державин, V, 368–369, № 327], Державин, конечно же, надеялся, что через нее оно станет известно императрице. В начале письма Державин говорит о мурзе в третьем лице: анонимный подарок императрицы и письмо, где она скрылась под маской Фелицы, указывали на то, что Екатерина намерена продолжать игру и Державин демонстрирует готовность такую игру поддерживать. Он пишет: «Конечно, из того края премудрая Фелица по соседству своему Мурзе послала сей драгоценный дар, а мне попался ошибкою». «Тот край» — это Оренбург, ведь Фелица писала «из Оренбурга от киргиз-кайсацкой царевны Державину». Но ни в самом стихотворении, ни в комментариях издателей «Собеседника» Оренбург не упоминался. Напротив, в «Собеседнике» стихотворение было озаглавлено «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге. Переведена с арабского языка 1782», а комментарий указывал только: «Хотя имя сочинителя нам и неизвестно, но известно нам то, что сия ода точно сочинена на российском языке» [Собеседник, I, 5]. Конечно, упоминание Оренбурга можно было связать с татарским мурзой и киргиз-кайсацкой царевной и увидеть тут просто географическую отсылку. Но в «Объяснениях» к своим сочинениям, составленных много позже, Державин объясняет появление Оренбурга иначе. Он пишет: «Автор имел свои деревни в Оренбургской губернии в соседстве от киргизской орды» [Державин, I, 131]. То есть замечание Екатерины об Оренбурге Державин истолковал как указание на свои деревни.

Это, конечно, могло быть добрым знаком: императрица помнила Державина или, по крайней мере, расспросила о нем. Но Оренбург мог означать и другое. Еще в 1782 — начале 1783 г. Державин подает серию прошений императрице о повышении его в должности [Державин, V, 366–367, № 324] и покрытия убытков, которые он понес из-за Пугачевского бунта [Державин, V, 367–368, № 325]. В последнем он писал о своих деревнях «в Казанской и Оренбургской губерниях».

То, что Екатерина связала прошения с одой, по-видимому, насторожило Державина: в письме Дашковой он пишет, что, получив табакерку, находится в состоянии, которое можно назвать «и неизреченным удовольствием, и некаким приятным унынием». Причина уныния объяснена:

Находя собственно в душе моей удовольствие <...> мыслить и говорить о ней, для чего тогда меня осыпают золотом, когда и бешметя я иметь не желал? Разве недостаток тому в сокровищах, кто умеет чувствовать цену добродетели? <...> Может, не подумали ли, что я сего просил?

Здесь, как мы видим, Державин пытается узнать, не подумала ли императрица, что его предшествующие прошения связаны с этой одой, не подумала ли она, что автором оды движет корысть. Или точнее было бы сформулировать повод его беспокойства так (и на это, как мы увидим, указывают другие письма поэта): Державин вовсе не против, чтобы его прошения были удовлетворены, но он боится, что к этому может свестись вдруг завязавшийся диалог с императрицей.

Второй вопрос, на который Державин ищет ответ у Дашковой, — вопрос о том, какие же отношения связывают его теперь с императрицей, должен он обращаться с благодарностью к Фелице или к Екатерине и писать от имени Мурзы или Державина? Он пишет Дашковой: «Кого мне и как благодарить за полученный мною подарок?» Мы видим, что Екатерина, вступив в игру, намеренно или ненамеренно, поставила Державина в непростое положение.

Тогда же ночью он пишет письмо своему приятелю Козодавлеву [Державин, V, 369–370, № 328], которого благодарит за «распространенный слух, касательный до оды Фелице». За благодарностью следует очень интересное рассуждение, которое показывает, каким видел Державин продолжение его отношений с императрицей:

Вы мне говаривали, что Август и Людовик, менее человеколюбивые и менее истинной славы достойные, имели провозвестников своего бессмертия. <...> К несчастью, я для Фелицы сделался Рафаэлем. Лавры ея может быть поблекнут под моими неискусными украшениями; но я хотел быть возвестителем, как они, в управление царевны своей, и явил в пример ея обхождение. Рафаэль, чтобы лучше изобразить Божество, представил небесное сияние между черных туч. Я добродетели царевны противоположил моим глупостям.

Как мы видим, Державин определенно считал, что после успеха «Фелицы» он займет место «Рафаэля» императрицы, и видит в этом нечто неизбежное: он уже стал таким «Рафаэлем», возможно, это «к несчастью», но изменить уже ничего нельзя. Кроме того, Державин подчеркивает свою удачную находку: противопоставить добродетели Екатерины своим «глупостям». Отметим, что этой же удачной находкой поэт ставил себя в положение крайне уязвимое, приписав себе все возможные пороки.

Наконец, сразу по получении табакерки Державин пишет к секретарю Екатерины, князю Безбородко [Державин, V, 370, № 329], который ранее хлопотал о повышении Державина:

Едва несколько часов прошло, как я получил монаршее благоволение, но уже и опять прошу об оном. Не помню я никогда себя столь наглым и небла-

годарным, как теперь; но что делать? Нужда переменяет закон: *боюсь, чтобы не потерять благоприятного, кажется мне, ветра*, от которого, при благотворительном предстательстве Вашем, я всего доброго надеюсь.

К письму прилагалось прошение на имя императрицы, которое Безбородко должен был передать Екатерине. В нем Державин просит «повелеть выдать из тех <...> сумм, вступивших или вступаемых ныне в Московский дворянский банк <...> тридцать тысяч рублей» [Державин, V, 371, № 330].

Жест императрицы, как мы видим, крайне озадачил Державина: в трех письмах он как бы проигрывает три возможных «сценария» его дальнейших отношений с императрицей, все три исходили из ситуации, когда монархиня нашла панегирик удачным. В этом случае поэт, с точки зрения Державина, мог рассчитывать или на продолжение игры в мурзу и Фелицу (вариант, который описывает Ходасевич, — быть в числе тех, с кем императрица «шутит»); на получение статуса личного панегириста императрицы («сценарий Василия Петрова»); или, по крайней мере, на улучшение своего материального положения и продвижение по службе («сценарий Сумарокова»). Но как мы видели из «Записок Державина», публично Екатерина никогда не заявляла о том, что ей ода Державина понравилась.

Из-за анонимности подарка императрицы Державин не мог решить, что ему делать дальше и в какой форме благодарить Екатерину за присланную табакерку. Мы не знаем, что посоветовала ему Дашкова, к которой он обращался с этим вопросом, но, видимо, совет состоял в том, что маски лучше не снимать и благодарить именно Фелицу и в стихотворной форме.

И поэт принимается за новую оду, «Видение Мурзы». Как указывает Державин, он начал работать над ней 9 мая (если он не путает дату, то и получение табакерки, и три ночных письма имели место за несколько дней до письма Капнисту). Державин этой новой оды не дописал, бросил ее и закончил значительно позднее, она была напечатана только в 1791 г. Содержание стихотворения показывает, что кроме переживаний, которые отражены в майских письмах к Дашковой, Безбородко и Козодавлеву, существовали еще какие-то обстоятельства, связанные с «Фелицей», о которых мы можем только догадываться и которые давали поэту основания для беспокойства.

В этом стихотворении мурза, один и в ночи, рассуждает сам с собой о блаженстве своего существования, о радостях своей приватной и семейной жизни (уже это крайне симптоматично: как явствует из письма Козодавлеву, Державин по получении табакерки вовсе не думал о частном существовании и собирался стать «Рафаэлем» Екатерины). Наконец, мурза доходит до упоминания подарка царевны (который послан «изподтишка»). В этот момент является разгневанная Фелица и упрекает героя сти-

хотворения и всех панегиристов с ним вместе. Державин как будто ищет причину, по которой его ода не вызвала открытого одобрения императрицы, и находит ее: Екатерина считает *всякий* панегирик вредным (ей могли понравиться *стихи* Державина, но она не могла публично одобрить *панегирик*). Во-первых, говорит Фелица, панегирики вредны монархам:

В них <монархах. — Е.П.> страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?
И ты Сирен поющих грому
В предь добродетели не строй,
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.

Во-вторых, панегирики отвлекают подданных императрицы от полезных дел:

Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.

И в конце своего монолога Фелица повелевает Мурзе:

Оставь нектаром напоенну
Опасну чашу, где скрыт яд [Державин, I, 165].

Приписать такую позицию Екатерине, оставаясь в рамках условной риторики оды, Державин, видимо, мог (речь все же шла о Фелице, не о Екатерине). Но горький ответ мурзы на этот монолог уже вовсе в такую риторику не укладывался. Поэт пишет:

Возможно ль, кроткая царевна,
И ты к мурзе чтоб своему
Была сурова толь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты *не одобряла?* [Державин, I, 166].

Фелица тут «гневна» и «не одобряет» оды. Горькое «и ты», когда речь идет об обвинениях Державина в «неприличной лести» [Державин, I, 166], ко-

торые сыпались на него со всех сторон, показывает, что анонимный подарок Екатерины не был достаточно внятной демонстрацией ее позиции и что Державин полагал, что императрица сомневается в его бескорыстии (если Безбородко передал прошение Державина, — а он наверняка передал, — то у Екатерины были к тому все основания).

В самом раннем наброске, еще частично прозаическом, Державин был более прямолинеен в своих укорах императрице:

Но много без тебя людей
Стихи мои считают лестью.
Я ими нажил тьму врагов.

...пагубой казалось,
Что я не лобзаю праха твоих ног,
Что не удостоился твоего лица зреть,
Что не насказал словес,
Что ты ко мне ни строчки не писала
И в ссылку уже послала [Державин, I, 169].

Главный укор Державина императрице здесь в том, что императрица не приблизила его к себе: он не может лобзать прах ее ног, не удостоился видеть лица, не может обратиться к ней, она ничего прямо ему не написала. Все это современники оценивают как «ссылку», проявление скорее немилости, чем милости⁴. Отметим, что Державин тогда же в мае был представлен императрице, но это представление стало для него еще одним горьким разочарованием: он был представлен ей на куртаге, среди многих других, и императрица не удостоила его ни словом, только длинно посмотрела на него⁵.

Но еще интереснее другие прозаические отрывки, относящиеся к тому же времени, что и черновики «Видения Мурзы», то есть к началу мая. Здесь нет рассуждений о вредности панегириков, но нет и укоров императрице за молчание, которые выросли из предположения, что «Фелица» понравилась, но императрица просто не нашла нужным выразить публично свое одобрение. Державин ищет другие сюжеты для своей новой оды и, как кажется, строит их вокруг предположения, что «Фелица» не заслужила одобрения императрицы, потому что была неверно ею понята. С одной стороны, он находит необходимым разъяснить тот эпизод «Фелицы», где упоминались шуты Анны Иоанновны:

Твой просвещенный ум и великое сердце снимают с нас узы рабства... <...>
Мы ныне, например, смеем говорить, что хотим или не хотим ехать на коме-

дию, на бал и в маскарад, будем и не будем там до утра, можем не плясать и плясать, играть и не играть, пить и не пить для твоего удовольствия. Ты не желаешь также, чтоб мы толкали друг друга по носкам, для того чтоб тебя потешить, чтоб тебя повеселить.

С другой — Державин здесь же готов согласиться, что и он, желая развеселить императрицу, ведет себя странным образом:

Ты меня и в глаза еще не знала, и про имя мое слыхом не слыхала, когда я, плененный твоими добродетелями, как дурак какой, при напоминании имени твоего от удовольствия душевного плакал <...>. Судьба бросила в мешочек два жребия и стала их трясть: один жребий выдался тебе, богоподобная царевна, чтоб царствовать и удивлять вселенную, а другой мне, чтоб воспевать тебя и дела твои шуточными моими татарскими песнями [Грот, 231–232].

Державин, как мы видим, настойчиво возвращается к шутам. Екатерина у Державина не желает, чтобы ее развлекали на манер Анны Иоанновны, она предпочитает другой род веселья — шуточные татарские песни. При этом, однако, Державин называет себя «дураком», то есть в какой-то мере соотносит себя с шутами Анны. О причине, побудившей Державина строить такие сопоставления, с определенностью судить трудно, можно осторожно предположить, что их породил какой-то устный отзыв Екатерины. Вполне вероятно, что этот отзыв вызвала комическая несообразность «благодарственных» писем Державина Дашковой и Безбородко (а они, как уже говорилось, должны были быть известны Екатерине). Как мы увидим далее, эта тематика прямо ведет к продолжению диалога между Екатериной и Державиным на страницах «Собеседника».

«Видение мурзы», как уже было сказано, не было закончено, а в том варианте, в каком оно появилось в печати, с опозданием на десятилетие и вне контекста «Собеседника», стихотворение легко прочитывалось как ответ литературным критикам (именно так его и рассматривают исследователи). Вместо него в 1783 г. во второй книжке «Собеседника» явилась короткая и нейтральная «Благодарность Фелице». Это — календарное стихотворение, оно было напечатано 24 июня 1783 г. и написано определенно на солнцестояние: из пяти строф, приблизительно половина посвящена описанию восхода солнца. Восход солнца должен был знаменовать восшествие на престол императрицы, к восшествию Екатерины на престол, которое праздновалось ежегодно 28 июня, стихотворение и было подгадано. В строфах же, обращенных к Екатерине, Державин пишет:

Когда тебе в нелицемерном
Угодна слоге простота,
Внемли... Но в чувствии безмерном
Мои безмолвствуют уста.

Когда небесный возгорится
В пиите огонь, он будет петь:
Когда от бремя дел случится
И мне *свободный час* иметь, —
Я праздности оставлю узы,
Игры, беседы, суеты;
Тогда ко мне приидут Музы
И лирой возгласишься ты.

То есть тут уже и речи нет ни о «Рафаэле», ни о судьбе, которая «бросила в мешочек два жребия». Молчание императрицы определенно отрезвило автора «Фелицы». Державин, видимо, полагал, что угадал причину молчания императрицы: сначала дело, потом поэзия. И Державин готов следовать предписаниям Екатерины.

Исследователи рассматривают «Фелицу» вне контекста «Собеседника», где она была напечатана, и этому есть вполне убедительное объяснение: это стихотворение, в отличие от остальных текстов, тут опубликованных, стало причиной и знаком успеха Державина, ярким воплощением неповторимого стиля поэта. Следует напомнить, однако, что «Фелица» была опубликована в первой книжке «Собеседника» вместе с пятью другими его сочинениями. Это были: «Дифирамб на выздоровление покровителя наук», обращенный к И.И. Шувалову, «На Новый год», «К соседу моему Г.», «К Степану Васильевичу Перфильеву, на смерть князя Александра Ивановича Мещерского» и «На рождение в севере Порфирородного отрока». И затем почти каждая книжка «Собеседника» содержала какое-либо произведение Державина.

Наиболее подробно история «Собеседника», участие в нем Екатерины, внутренние конфликты и окончательный раскол среди издателей журнала описаны Гротом в «Жизни Державина»⁶. Специальные разделы посвящены здесь участию в журнале Екатерины, Дашковой, Д.И. Фонвизина, а также полемике о чистоте языка. Раздел об участии Державина содержит лишь обзор помещенных здесь сочинений поэта. В целом Грот довольно точно описал основные линии полемики на страницах этого издания. В такой перспективе, однако, участие Державина в журнале действительно мало связано с «Фелицей». Грот прямо не характеризует позицию Державина, но из разбросанных здесь и там замечаний можно сделать вывод, что

поэт тяготел к «партии Дашковой» и, вместе с Дашковой и Фонвизиным, оказался в оппозиции императрице, а Фонвизин даже выступил в защиту Державина в своей «Челобитной». Такой вывод, во-первых, как мы попытаемся показать, противоречит ряду публикаций в «Собеседнике». Во-вторых, такая позиция, как кажется, не совсем соответствует характеру и взглядам Державина, который, может, и досаждал императрице своим чрезмерным рвением и отсутствием дипломатического чутья, но никогда не был в оппозиции ни Екатерине, ни Павлу, ни Александру.

Обратимся к «Собеседнику». Довольно быстро, как известно, на его страницах возникает неприятная для императрицы полемика. Начало ей положили вопросы Фонвизина, опубликованные с ответами императрицы в третьем выпуске журнала. Особенно внимательно Екатерина отнеслась к 14-му вопросу Фонвизина. Вопрос Фонвизина звучал так: «№ 14. Отчего в прежние времена *шуты, шпыни и балагуры* чинов не имели, а нынче имеют и весьма большие?»

Ответ Екатерины на вопрос хорошо известен: «На 14. Предки наши не все грамоте умели». Можно понять эти слова как указание на то, что чины не имеют отношения к шутовству, просто не все умели грамоте, а потому и не все получали высокие чины⁷. К этому Екатерина в своем ответе добавляет: «NB. Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели; буде же бы имели, то начли бы на нынешнего одного десять прежде бывших» [Екатерина, 54]. То есть шуты в высоких чинах сейчас, конечно, есть, но раньше их было намного больше, о них, правда, опасались свободно говорить. Теперь же, когда допустимо «свободоязычие», стало возможно задавать о них вопросы. Екатерина, таким образом, в чем-то даже берет сторону Фонвизина, однако подчеркивает и достоинства своего правления (свободоязычие, распространение грамотности).

Как дополнение к этому первому ответу на вопросы Фонвизина, Екатерина в той же третьей книжке «Собеседника» поместила рассуждение о значении слов «кубариться кубарем» (кубарь — волчок). Эта небольшая заметка была своего рода данью новому проекту Дашковой — созданию Академии Российской, которая должна была посвятить себя составлению словаря русского языка. Причем тон рассуждения пока еще вовсе не пародийный, Екатерине кажется полезным и забавным составлять такого рода толкования.

«Нельзя, кажется, сомневаться, — пишет Грот, — что <...> предметом намеков служил обер-шталмейстер Л.А. Нарышкин, о котором сама Екатерина некогда заметила, что он рожден арлекином» [Грот, 216]⁸. Обидевшись на этот намек, Екатерина, по мнению Грота, и ополчилась на Фонвизина.

Намек Фонвизина, возможно, и был адресован Нарышкину, хотя отметим, что характеристика «в больших чинах» последнему мало подходи-

ла. Нарышкин оставался шталмейстером (наблюдал за конюшнями императрицы) со времени коронации Екатерины, то есть нельзя сказать, что он несправедливо занимал ответственный государственный пост или незадолго до публикации вопросов получил высокий чин. Кажется, вопрос Фонвизина имел более универсальный характер и скорее говорил о тех, кто отказывался ходить на поводу у императрицы и потому не был у нее в милости. Таким человеком для Фонвизина был Никита Панин, его покровитель и друг, скончавшийся в начале 1783 г., и, конечно же, он сам, вышедший в отставку сразу после смерти своего покровителя и не получивший высокого чина. В целом, конечно, 14-й вопрос Фонвизина требует специального рассмотрения. Сейчас же для нас важно, как отреагировали на него императрица и Державин.

Императрица, в первую очередь, перевела вопрос Фонвизина «на личности», то есть отнесла его к конкретному лицу. Главным доказательством того, что фразу «кубарить кубари» Екатерина связывала не с Нарышкиным, является собственно толкование этой фразы, данное императрицей в «Собеседнике»:

Все те, кои мешкают на одном месте, не делая ничего, или то, в чем нужда не настоит тогда, когда предприяли, или определили делать что нибудь иное, как то ехать, идти, спать, писать, кушать, или чтоб то ни было такое, а вместо того сидят, говорят, из комнаты в комнату бродят, или из лестницы в лестницу всходят без дела, все те люди поступком своим походят на кубаря: кубарь же кубарит» [Екатерина, 50].

Эта характеристика похожа на то, что императрица писала о Нерешительном, под маской которого она вывела в «Былях и небылицах» И.И. Шувалова (Екатерина прямо указывала, что Нерешительный — это «оберкамергер», то есть Шувалов [Грот, 215]). И.И. Шувалова императрица относит здесь к «умникам»:

Есть у меня сосед, который в младенчестве слыл умницею, в юношестве оказывал желание умничать; в совершеннолетствии каков? — <...> он ходит бодно, но когда два шага сделает на право, то одумавшись пойдет на лево; тут встречаем он мыслями, кои принуждают его итти вперед, по том возвращается вспять. Каков же путь его, таковы его и мысли [Екатерина, 34].

То есть в ответе Фонвизину Екатерина признает, что и в ее царствование есть при дворе шуты, и в больших чинах, но намекает, что наиболее вероятным кандидатом на эту должность будет И.И. Шувалов, на что могло указывать и созвучие «шут — Шувалов»⁹. Это давало императрице воз-

можность подчеркнуть, что придворные шуты в высоких чинах были не только при Анне, и если они есть при ее дворе, то они достались ей от Елизаветы.

Но еще интереснее рассуждение о шутах, которое императрица поместила в четвертой книжке «Собеседника» в своих «Былях и небылицах». Дедушка, один из главных персонажей «Былей и небылиц», размышляет над вопросом Фонвизина «отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие» и отвечает:

Ясно от того, что в прежние времена врать не смели, а паче письменно без <...> опасения. О! прежняя времена! <...> Шуты (дедушка всех сих по памяти знает, начиная с древних отличившихся и отличенных во всех пяти эпохах нашей истории).

NB. Отец его при доме Князя Цесаря с ребячества находился и в оном, вместе с сыном Князя Федора Юрьевича Ромадановского, сказывают будто воспитан был, где случаи имел много о старине слышать; он помнил маскерад, где Бахус, сидящий на бочке, в провожании семидесяти кардиналов переехал через Неву, знал также наизусть похождение неусыпаемой обители. Дедушка часто и много сам рассказывает о свадьбе в ледовом доме, и о присутствовавших при оной, и как весна свистала: <...> Когда дедушка дошел до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно говоря: шпынь без ума быть не может, в шпыньстве есть острота; за то, продолжал он, что человек остро что скажет, вить не лишит его выгод тех, кои даются в обществе живущим, или обществу служащим. <...> по том дело дошло до балагуров, кои по сказкам дедушкиным бывают не скучны. Когда к словоохотию присоединяют природный ум, или знание приобретенного смысла, либо знание старины [Екатерина, 61–62].

Здесь опять-таки Екатерина подчеркивает, что чины и шутовство не связаны: в своем первом ответе она указывала, что получение чинов зависит от знания грамоты; теперь дедушка утверждает, что из-за склонности к шутовству человек не должен быть лишен возможности получать высокие чины, если он их заслуживает. Но значительно важнее для нее указать, что шуты были не только в «темные» периоды российской истории (например, при Анне), но и при Петре Великом, просветителе своих подданных. При этом императрица демонстрирует детальное знание петровских «воспитательных» развлечений, упоминает маскарад 1721 г. и заседания Всешутейшего собора.

То есть полемика о шутах идет своим чередом. Но мы знаем, что Державину очень важно снова поймать внимание императрицы и как-то реабилитировать себя в ее глазах после неудачного майского прошения, по-

которому, надо отметить, он ничего от императрицы не получил. Не было реакции, как мы видели, и на «Благодарность Фелице».

Кроме того, вопрос Фонвизина про шутов отсылал к «Фелице», в которой были строки, описывавшие «киргиз-кайсацкую орду»:

Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наследками не клохчут,
Любимцы вьявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Державин противопоставляет здесь правление Екатерины временам Анны Иоанновны. В объяснениях к своим сочинениям он писал, что эти строки относятся «к бывшей при Анне Иоанновне шутовской свадьбе князя Голицына, для которой на Неве построен был особый ледяной дом с ледяною баней», а также указывал, что «Императрица Анна любила окружать себя шутами», и когда она шла обыкновенно из дворцовой церкви, то в одной из палат шуты «садились в лукошки <...> и кудяхтали как наследки» [Державин, I, 144].

Вопрос Фонвизина, определенно, имел отношение к Державину: автор вопросов говорил про шутов при Екатерине, но можно было понять этот вопрос и иначе: путь к большим чинам лежит через превращение в шута, и для Державина, который выставил себя в «Фелице» бездельником, читателем «Бовы» и любителем «искаться в голове», только чтобы подчеркнуть добродетели императрицы, превращение вполне вероятно. Если учесть черновики «Видения мурзы», где Державин пытается объяснить, почему он мог показаться императрице шутом, то можно полагать, что такое прочтение им вопроса Фонвизина, скорее всего, и имело место.

Державин был уязвлен вопросом. В той же третьей книжке, что и вопросы¹⁰, было помещено старое стихотворение Державина «Модное остроумие». Оно было напечатано здесь под псевдонимом Х.Х*** вместе с письмом, якобы присланным в «Собеседник». В письме Державин говорит, что он из «простаков». Уже здесь можно увидеть первую отсылку к Фонвизину, точнее, к фамилии героев его «Недоросля», Простаковым. «Недоросль» был еще на слуху после постановок в Петербурге (сентябрь 1782 г.) и Москве (май 1783 г.). Будучи «простаком», автор письма не может понять, «от чего нахальные и коварные люди с беспримерною удачею достигают до своих желаний тогда, когда скромность и честность везде и у всех ни внимания, ни помощи не обретает?». Здесь, как мы видим, к Фонвизину отсылает не только сама идея вопросов, но и форма

вопроса, начинающегося с «от чего». «Простак» у Державина пишет, что нашелся наконец стихотворец, который готов ответить на его вопросы. «Удачный мой вопрос, — продолжает автор письма, — состоял в следующем: Примечаю я, государь мой, что ныне более всего за остроумием гоняются, остроумных хвалят и предпочитают всем; будьте столь благосклонны и скажите мне, в чем ныне остроумие полагается?» Ответом и было стихотворение «Модное остроумие». Среди характеристик остроумия находим:

Смеяться дуракам, и им же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружить, <...>
Для острого словца шутить и над законом,
Не уважать отцом, ни матерью, ни тронном.

Таким образом, нахальный и коварный автор вопросов был обвинен в том, что составил свои вопросы в погоне за «модным остроумием» и что он смеется над дураками, состоящими в больших чинах, которым сам же и потакает, поскольку «по случаю дружится». А «по случаю дружился» Фонвизин в это время с Шуваловым. Державин должен был полагать, что очень удачно намекнул на Фонвизина как автора вопросов, назвав себя простаком, а его модным остроумцем (Фонвизин после постановок «Недоросля», действительно, был модным писателем и определенно остроумцем). Кроме того, вслед за императрицей, Державин подметил, что шут Фонвизина — это Шувалов и что Фонвизин осмеивает своего покровителя. Однако никакого поощрения со стороны императрицы в адрес Х.Х*** опять-таки не последовало.

К теме шутов и Фонвизину Державин вернулся на страницах «Собеседника» еще раз. В 8-й книжке он помещает еще одну свою старую басню «Лев и волк».

Волк Льву пенял, что он не сделан кавалером,
Что *пифик* с лентою, и с лентою Осел.
А он сей почести еще не приобрел
И стал его к себе немилости примером,
Когда их носит *шут*, да и слуга простой,
А он не получил доньне никакой.
Лев дал ответ: «Ведь ты не токмо не служил,
Но даже никогда умно и не шутил» [Державин, I, 178–179].

Грот указывает на похожую басню Хемницера «Заяц, обойденный при произвождении» и относит насмешки обеих басен к Л.А. Нарышкину

[Грот, 216]. В басне Хемницера заяц, по мнению Грота, представляет Нарышкина, он жалуется, что не получил повышения, хотя шутил перед царем, а мудрый барсук ему отвечает, что «обер-шутов в службе нет» [Хемницер, 164]. Здесь, возможно, Грот прав: на обер-шталмейстера Нарышкина указывает чин «обер-шута» (если это так, то басня только подчеркивает, что Нарышкин не был «в больших чинах»).

У Державина в басне кроме Льва (монарха) есть Волк, который «не сделан кавалером», и Пифик с Ослом (шут и простой слуга), у которых есть «ленты». Волк не получил в басне «ленты», потому что он не только «не служил», но «даже никогда умно и не шутил». Если следовать Гроту, то Нарышкин представлен Волком. Но Нарышкину было бы странно жаловаться на то, что он «не сделан кавалером»: Нарышкин был кавалером ряда орденов, включая высшие ордена империи — Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного. То есть Волк, скорее всего, намекал на кого-то другого. Для нас важнее, что Пифик (обезьяна), который шутит смешно, отсылает к басне Фонвизина «Лисица-Кознодей», где фигурирует «Пифик слабоум, писатель зверских лиц»¹¹. Такая отсылка определенно указывает на то, что в басне представлен писатель Фонвизин.

Вернемся к панегирикам Державина. В 6-й книжке «Собеседника» Державин помещает «Оду великому боярину и воеводе Решемыслу, писанную подражанием оде к Фелице 1783 году», которая обращена к Потемкину. Поэт снова печатает ее без указания своего имени (с подписью «сочинял З...») и с комментарием: «Решемысл был ближний вельможа Тао-ау, царя китайского, которого супруга, то есть царица, езжала на оленях златорогих и одевалась соболиными одеялами, о чем читатель может достоверно выправиться в книжке о царевиче Февее, напечатанной в здешней академии прошлого 1782 года, которая повесть и взята в основание сей оды». То есть Державин вновь использует сочинение императрицы — в данном случае сказку «Царевич Февей». Лирический герой оды призывает свою Музу и предлагает ей петь не «мужа славного», который служил Елизавете Петровне, то есть Шувалова¹², а совсем другого, вельможу Екатерины:

Не оного пой мужа, древле
Служившего царице той,
Которая в здоровье малом
Блистала славой и красой
Под соболиным одеялом.
Но пой, ты пой здесь Решемысла,
Великого вельможу смысла,
Наперсника царицы сей...

При сопоставлении «царицы той» и «царицы сей» похвалы Потемкину оборачивались сравнением его с Шуваловым. В отличие от Шувалова Потемкин

Не празден, не ленив, а точен;
В делах и скор и беспорочен,
И не кубарит кубарей.

То есть Державин снова договаривает намек императрицы: кубари кубарит Шувалов. Кроме того, Державин делает попытку напомнить о «Фелице» и о той роли, которую она сыграла в замысле екатерининских «Былей и небылиц». Он пишет тут о своей Музе:

Ты, Муза! с самых древних веков
Великих, сильных человек
Всегда умела поласкать;
Ты можешь в былях, небылицах
И в баснях правду представлять, —
Представь мне Решемысла в лицах.

Державин в своих записках подчеркивал впоследствии, что его «Фелица» не только открывала «Собеседник», от нее этот журнал «возымел свое начало», «как и самая Российская академия». Грот уточняет: «Дело в том, что, прочитав эту оду в рукописи, княгиня [Дашкова], незадолго перед тем назначенная директором Академии наук и уже мечтавшая о содействии успехам языка и словесности, увидела в этом стихотворении задатки того и другого», и ода Державина определила «господствующее направление» этого издания. «Может быть, — продолжает Грот, — под этим же влиянием и сама императрица задумала свои „Были и небылицы“; даже заглавие их как будто навеяно стихом из „Фелицы“: И были, и небыль говорить» [Грот, 204, 208].

Екатерина как будто бы не помнила об этом. Еще до публикации «Решемысла», в 4-й книжке «Собеседника», она рассказывала, как ей пришлось в голову название «Были и небылицы»: «Когда начал писать, право не знал, что то будет слыть Были и Небылицы. Но вот как редкое сие творение свету известно сделалось: написав несколько страниц, начал я придумывать заглавие, или лучше сказать, как всякая вещь имеет свое имя, то как назвать и новорожденное дитя, тут как молния выскочило из моего пера громкое название Были и Небылицы. С сим вымыслом я сам себя не одиной поздравляю» [Екатерина, 58]. Ко времени, когда вышла 6-я книжка журнала, где был помещен «Решемысл», «Были и небылицы» были уже одной из самых популярных рубрик журнала. Державин же напоминал

императрице, что название заимствовано из его «Фелицы». Это была неловкость, но неловкость эта, конечно же, не была случайной: Державин продолжал бороться за признание своих заслуг и, не дождавшись никаких знаков внимания со стороны императрицы, решился на эту вольность.

А в 7-й книжке «Собеседника» (он вышел 28 октября 1783 г.) впервые появляется новый персонаж — «Каноник, член общества незнающих». Сначала в «Собеседнике» появляется письмо Каноника, а затем здесь печатается «Ежедневная записка общества незнающих», где Каноник выступает в качестве одного из действующих лиц. Грот указывает, что подобное общество в самом деле существовало какое-то время при дворе и роль Каноника исполнял в нем Л.А. Нарышкин [Грот, 224, 226]. Но сочинения Каноника, так же как и «Ежедневную записку», составляла сама императрица, сохранились даже черновики, писанные ее рукой [Пекарский; Екатерина, 207–223]. Грот справедливо связывает появление «Общества незнающих» с тем, что Екатерина была все более и более недовольна Дашковой: общество было пародией на основанную Дашковой Российскую академию. Но общество не было только пародией на академию. Каноник был назван вполне в духе забав Петра Великого — это духовное лицо. Конечно, «общество незнающих» лишь отдаленно напоминало петровский «собор», или, как его назвала Екатерина, «неусыпаемую обитель» (отметим, что оба названия содержат «не») ¹³. Всешутейский собор (часть его) назывался «неусыпаемая обитель» в описании маскарада, который проходил с 30 августа по 6 сентября 1723 г., здесь же фигурировал и Бахус с сопровождавшими его «духовными» лицами, которых Екатерина упоминала в ответе на вопрос Фонвизина о шутах. На ее хорошую осведомленность в забавах Петра еще в 1763 г. указывает ее коронационный маскарад «Торжествующая Минерва».

Маскарад «Торжествующая Минерва» задал один из специфических «сюжетов» официальной культуры правления Екатерины II. В основе его сюжета положено противопоставление добродетелей Минервы (императрицы) и пороков ее подданных, а цель маскарада состоит в том, чтобы представленные пороки подданных искоренить. Державин видел и хорошо помнил этот маскарад. В своих «Записках» он говорит о коронационных торжествах 1762–1763 гг.: «На масленице той зимы был тот славный народный маскарад, в котором на устроенном подвижном театре, ездящем по всем улицам, представляемы были разные того времени страсти, или осмеялись в стихах и песнях пьяницы, карточные игроки, подъячие и судьи-взяточники и тому подобные порочные люди» [Державин, VI, 436]. Сознательно или бессознательно, Державин положил в основу своей «Фелицы» именно этот «маскарадный» сюжет ¹⁴, не случайно и он сам, и императрица выведены здесь под «масками».

Вернемся к «Собеседнику». Каноник в своей первой публикации возвращается к шутам и балагурам: «До метафор, — пишет Каноник, — по совести сказать, я не чрезмерный охотник с того времени, как я слышал от соседа моего, как *шуты, шпыни и балагуры* оными, *аки шаром*, играют» [Екатерина, 191]. Мы помним, что Державин подобные намеки относил на свой счет.

Что за шар имеет в виду Каноник, становится ясно из публикации «Общества незнающих ежедневной записки» в 8-й части «Собеседника». Здесь сначала под 20 октября, среди правил для членов общества, опубликовано «запрещение, чтоб отнюдь и ни под каким видом *по воздуху не летать с крыльями или без крыльев*. NB. Разве крылья сами вырастут, или кто предпринял или предпримет летать, сам собою оперится. Оперившемся дозволяется лянть, когда то им будет угодно» [Екатерина, 195]. Под 3 ноября указано: «Понеже является новое изобретение летающего по воздуху шара; то не угодно ли будет приказать изыскать возможность или невозможность» [Екатерина, 200]. В черновиках «Ежедневной записки», которые отчасти содержат варианты к опубликованной части, отчасти — продолжение к ней, Екатерина писала под 4 ноября: «По причине разорвания моста и *идушего по реке густого льду послать несколько воздушных шаров* для привозу членов, живущих на другой стороне реки. <...> Перво, нежели шары будут отправлены, сделать опять при собрании для лутчей безопасности, посадя кошку или барана, которых после опыта накормить до сыта» [Екатерина, 220].

Речь здесь идет о самых последних достижениях техники: записи сделаны 20 октября и 3 ноября 1783 г. по старому стилю, то есть 1 и 14 ноября по новому. 4 июня 1783 г. братья Монгольфье впервые публично продемонстрировали свой воздушный шар, 19 сентября в Версале перед Людовиком XVI были запущены в воздух гусь, петух и овца, а 15 октября на шаре был поднят первый пассажир.

Фраза про воздушный шар и «идуший по реке густой лед» могла быть отсылкой к стихотворению Державина «Препятствие к свиданию с супругою» (Санкт-Петербургский вестник, 1779 г.). Стихотворение рассказывает о том, что Державин был разлучен с супругой и должен был ждать, пока река окончательно замерзнет, чтобы переправиться к ней на другой берег:

Так, свирепыми волнами

Сколько с нею ни делюсь [разделен],

Им не век шуметь со льдами... [Державин, I, 67].

Кроме того, здесь можно увидеть намек и на другое стихотворение Державина, напечатанное в первой книжке «Собеседника», «На выздоровление

Шувалова». Это стихотворение открывается зловещей картиной ночного пейзажа и лодки в бурном море:

Я видел: в лодке некто плыл.
Тут ветер, страшно завывая,
Ударил в лес — и лес завыл:
Из бездн восстали пенны горы:
Брега пустили томный стон;
Сквозь бурные стихиев споры
Зияла тьма со всех сторон [Державин. I, 121].

Упоминание же полета, возможно, было насмешкой над неловкими оборотами из од Державина. Так, в оде «Решемыслу» Потемкин у Державина летит, а герои его оды «На победы Екатерины II над турками» парят («Везде твои орлы, монархиня, парят» [Державин, I, 13]). Кроме того, «сосед» из рассуждения Каноника, возможно, отсылал к опубликованному в 1-й книжке «Собеседника» стихотворению Державина «К соседу моему Г.».

Но далее в «Ежедневной записке общества незнающих» появляются еще более прозрачные насмешки над Державиным. 11 ноября, как указывает «Ежедневная записка», «по утрам в общество незнающих вступила куча слов. Под заглавием: Сочинение, либо письмо на письмо не похожее». Две палаты общества, без чутья и с чутьем, пересылают это сочинение друг другу, и, наконец, палата без чутья предложила толкование сочинения, «ожидая от онаго великой пользы и поправления и приращения во вкусе века сего» [Екатерина, 202–203]. В толковании обсуждались выражения «лучи мысленного света», «из общаго средиточия» и проч. Автором «Сочинения» был «главный критик» Екатерины в «Собеседнике», который подписывался Любослов¹⁵. Один из толкователей, как выяснилось, «запах имеет учения и знания», что было нарушением устава общества. От толкователя потребовали оправданий и объяснений, и тот дал обществу ответ:

Ответствовал на все порядочно, когда же спрошен был, Что знает? Сказал: «Читает, но склады не твердо знает, пишет правильно, только *нажеди кладет не всегда правильно; ибо родился на Орской линии*, где было бдение о пограничной страже нужнее орфографии, которую так как и грамматику лишь по имени знает, и то *узнал здесь живучи*; горазд же съезжать следы людей и зверей *по степям*. Быв тамо, узнал от *Бухар и Калмык о Китайском средиточии*, о колодезе и *ключе* слышал от своей кормилицы, которая рода была *Трухменскаго*». Потом спрошен был: по чему он здесь? ответствовал: *ищет места*; на вопрос, откуда и как имеет пропитание? ответствовал: *живет в долг*. Спросили: как и когда платить намерен? Сказал: что *о том никак не заботится*.

Хотели знать, когда поедет обратно? получили отповедь, что уведомясь о новоизысканной *воздушной езде*, намерение имеет на первом *шаре или пузыре* отправиться во своясы, понеже скорее, да и дешевле, нежели лошадей нанимать [Екатерина, 205–206].

Здесь уже определенно выведен Державин: упоминание Орской линии здесь указывает на Оренбург, о котором речь шла выше; орфография, которую «толкователь» узнал уже «здесь живучи», — на заголовок «Фелицы», где говорилось, что мурза живет в Москве; степь была описана в «Благодарности Фелице» («Там степи, как моря, струятся, / Седым волнуясь ковылем»); «китайское средиточие» — на оду «Решемыслу» с ее китайским царем; наконец, «ключ» — на стихотворение «На смерть князя Мещерского», опубликованное вместе с «Фелицей»; кроме того, на мурзу намекали бухары, калмыки и трухмены. Насмешки над безграмотностью Державина, конечно же, имели основания и станут впоследствии постоянной составляющей «державинского мифа». Кроме того, Державин в самом деле отвечал на публикации Любослова в «Собеседнике», то есть был его «толкователем».

Но много чувствительнее, как можно полагать, были для Державина намеки императрицы на его служебные и финансовые обстоятельства: Екатерина давала знать Державину, что она знает о его проблемах с Вяземским и о том, что он «живет в долг» и при этом надеется на решение всех своих проблем через императрицу (в терминологии Екатерины это означало «о том никак не заботится»). И главное — Державину было рекомендовано «отправиться во своясы» в Оренбург, то есть подать в отставку и оставить столицу, причем — как то подобает шуту — «на шаре или пузыре» («пузыри», напомним, были постоянным атрибутом петровских шутовских игр [Семевский, 3 и след.], и Екатерина, которая продемонстрировала детальные знания петровских забав, об этом, конечно же, помнила, если помнила, «как весна свистала»).

Насмешки над Державиным можно найти и в продолжении «Ежедневной записки». Так, например, после появления в «Собеседнике» уже упомянутой басни Державина «Лев и волк» здесь было предложено толкование слова «Пифик» с намеком на склонность Державина к карточным играм. Екатерина писала: «Упражнялись важным рассуждением о слове Пифик и его истолкованием. <...> Первое толкование, аки Пифик принадлежательно до естественной истории и причисляется к некоторому роду обезьян. <...> Второе толкование, аки Пифик происходит от иностранного слова пики, которые, имея частые вражды со единокордцами своими бубни, черви и жлуди. <...> Третье толкование, аки Пифик рожден выдумкою» [Екатерина, 213–214].

Ответом Державина на насмешки стало письмо об отставке, поданное на имя Екатерины. Грот опубликовал черновик письма, оригинал не сохранился. Сохранившийся документ очень хорошо отражает настроение Державина. Он пишет:

Всепресветлейшая государыня. Облаготельствованный особливими ВИВ матерними щедротами, был бы я раб недостойный и человек весьма неблагодарный, если б, умея чувствовать живо все божественные дела великой Екатерины (прочерк в письме Державина) <...> не хотел положить жизни моей на высочайшей ее службе. Но по обстоятельствам ныне я оставляю оную. Испрашиваю токмо монаршего благоволения, и если надобен когда будет в самая опасныя (пропуск Державина) <...> верный раб, то особливым счастьем поставлю живот мой вышней воле [Державин, V, 376, № 336].

Как мы видим, в прошении нет ни слова о каких-либо пожалованиях, на которые поэт надеется.

За прошением об отставке последовал ряд публикаций, где Державин предстает уже другим, он больше не ищет расположения императрицы и позволяет себе заявить свою независимость: он больше не обещает императрице посвятить себя «бремени дел», как в «Благодарности Фелице», а снова становится лентяем и бездельником, как в «Фелице», но теперь он уже не мурза, а «мудрец». В «Эпитафии мудрецу нынешнего века, доказавшему новейшими своими опытами суету сего мира» (напечатана в 15-й книжке, отметим горькую ссылку в заглавии на *свой опыт*) он описывает себя, не забыв отметить и свое пристрастие к картам, на которое намекала в статье о пифике и Екатерина:

Лежит здесь мудрый муж, что в карты век играл,
Стихи писал
И спал;
А сею жизнью потомственному взору
Живую начертал собой катрину он,
Что счастья твердаго, что разума без вздору
И наслажденья без сует
В сем мире нет;
Но вся людская жизнь — игра, мечта и сон [Державин, I, 180].

Но еще ранее, в 11-й книжке «Собеседника», Державин публикует «Оду на присоединение без военных действий к Российской державе таврических и кавказских областей» («На приобретение Крыма»), где «разыгрывает»

тему полета, над которой иронизировала Екатерина. Он начинает оду словом «летит»:

Летит — и воздух озаряет,
Как вешне утро тихий понт!
Летит — и от его улыбки
Живая радость по лугам,
По рошам и полям лиется!
Златья Петрополя башни
Блистают, как свечи, и ток
Шумливый, бурный, ток Днепровский
В себе изображает живо
Прекрасное лице его.

В конце первой строфы читатель, как мы видим, узнает, что полет начинается в Петрополе, то есть Петербурге, и совершается по направлению к Днепру. Читатель определенно должен встать перед вопросом: кто летит? Во второй строфе пастух и земледелец «среди хижин воспевают *мир*». То есть можно предположить, что в первой строфе летел «мир». Однако мир упомянут Державиным между прочим, и нет никаких указаний на то, что пастух и земледелец воспевают того, кто летит, к тому же мир здесь не заявлен как аллегорическая фигура. Зато в третьей строфе появляется персонаж, который явно может летать. Уже названные пастух и земледелец вопрошают:

...«Кто?
Который бог, который ангел,
Который человеков друг,
Безкровным увенчал нас лавром,
Без брани нам трофеи дал
И торжество?» — Екатерина.

То есть в первой строфе, скорее всего, будучи богом и ангелом, летит Екатерина. Как мы видим, Державин не смог удержаться, чтобы не заставить императрицу летать, как она заставила летать Державина в «Ежедневной записке». В то же время он подготовил себе и убедительное оправдание на случай, если монархиня разгневется (ведь мир упомянут до ангела).

В 13-й книжке «Собеседника», которая вышла 28 апреля 1784 г., поэт опубликовал оду «Бог». Здесь Державин снова не удержался, чтобы не поперечить императрице хоть немного: слово «средоточие», которое было осмеяно в «Ежедневных записках» и которому там было уделено столько места, было использовано в тексте самого высокого статуса — в духовной оде — и отнесено к лирическому герою:

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вешества;
Я *средоточие* живущих,
Черта начальна божества.

Державин возвращался к этим, видимо, очень тяжело пережитым им насмешкам Екатерины и позднее, когда уже ситуация 1783 г. потеряла всякую актуальность. Так, шутка императрицы о том, что в «Обществе незнающих» запрещается летать («ни под каким видом *по воздуху не летать с крыльями или без крыльев*». NB. Разве крылья сами вырастут, или кто предпринял или предпримет летать, сам собою *оперится*»), отозвалась, как можно полагать, в державинском «Лебеде», где метафорический полет вдохновенного поэта ведет к тому, что поэт на самом деле «оперяется»:

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснюсь белизной.

К сожалению, мы не знаем, заметила ли Екатерина «колкости» Державина, возможно, главным фактором в развитии их отношений оказалось прошение об отставке: императрица решила, что достаточно проучила корыстного панегириста-льстеца. Отставка была официально принята. Но Екатерина не преминула ответить Державину и через Безбородко. Намекая, по-видимому, на «Эпитафию мудрецу» (который все «спал») и перефразируя державинское прошение об отставке («если надобен когда»), она сказала: «Пусть теперь отдохнет; а как надобно будет, то я его позову» [Державин, VI, 558]. В этих словах Екатерины определенно слышится ирония, но вместе с тем и желание поддержать в Державине иллюзию того, что он состоит в интимном диалоге с императрицей, что его связывают с ней какие-то особые отношения и что, проучив поэта, императрица не утратила к нему интереса и расположения.

Державин урок усвоил, императрица осталась им довольна. Вскоре последовало для Державина повышение по службе.

1. Курсив А.-Л. Крон.

2. Державин объясняет свою отставку несправедливыми придирками к нему со стороны князя Вяземского, его начальника. Не вызывает сомнений, однако, что при желании Екатерина легко могла оградить поэта от преследований.

3. Отметим, что Екатерине такие шуты, определенно, доставляли особое удовольствие. В «Бдлях и небдлицах», на страницах которых Екатерина помещала свои сатирические зарисовки, у нее есть специальный персонаж, Петр Угадаев [Екатерина, 50–51], она смеется над его попытками угадать, кто выведен под каким именем, но представляет свои характеры так, чтобы читатель не сомневался: они указывают на лица.
4. В «Отделении 4» своих записок Державин уже в 1812–1813 гг. дает характеристику императрице. Он вспоминает случаи, когда был награжден Екатериной — табакерка за «Фелицу», табакерка за оду на взятие Измаила и табакерка за службу, которую он не успел получить при ее жизни и которая была передана ему Павлом. Вспомнив о табакерках, он пишет: «Должно по всей справедливости признать <...> что она, при всех гонениях сильных и многих неприятелей, не лишала его (Державина) своего покровительства и *не давала так-сказать задуть его*; однако же и *не давала торжествовать* явно над ними огласкою его справедливости и верной службы или *особливою какою-либо доверенностью, которую она к прочим оказывала*. <...> не всегда держалась священной справедливости, но угрожала своим окружающим, а паче своим любимцам, как бы боясь раздражить их» [Державин VI, 700]. То есть Державин прямо упрекает императрицу в том, что она так никогда и не признала публично его заслуги, и рассуждение это выросло в «Записках» именно из воспоминания о первой табакерке, ему пожалованной.
5. Грот пишет: «Затем ему позволено было лично принести благодарность императрице, которая, со своей стороны, любопытствовала увидеть своего певца. Он сам описал нам это представление: оно происходило в Зимнем дворце, при многих других лицах; Екатерина встретила его с важным видом; оставаясь поодаль от него, несколько раз окинула его быстрым взором и потом дала ему поцеловать руку» [Грот, 200].
6. В книге Беркова «История русской журналистики XVIII века» журналу «Собеседник» уделено всего несколько страниц, которые посвящены краткому обзору полемики между Екатериной и Фонвизиным [Берков, 330–340].
7. Так предлагал читать ответ Екатерины и Грот в дополнениях к своим комментариям [Державин, IX, 102].
8. Вопрос о репутации Нарышкина — шута и о том, как и когда она сложилась, требует специального рассмотрения. Отметим только, что превращение его из шутика в шута приходится на начало 1780-х гг. О том, например, что именно Нарышкин был известен тем, что «кубарил кубари», мы знаем от Л.-Ф. Сегюра, который писал: «Намедня обер-шталмейстер Нарышкин, прекраснейший человек и величайший ребенок, спустил среди нас волчок, огромное собственной его головы. Позабавив нас своим жужжаньем и прыжками, волчок с ужасным свистом разлетелся на три или четыре куса <...> ранил двоих <...> и ударился об голову принца Нассаусского, который два раза пускал себе кровь» [Державин, I, 733]. Державин в стихотворении «На рождение царевны Гремиславы» тоже пишет о Нарышкине: «Подчас и кубари спускал». В «Объяснениях» он добавляет: «Л. А., забавляя

императрицу, нередко пред ней шучивал и нечаянным образом спускал пред ней кубари» [Державин, I, 654]. Эпизод, рассказанный Сегюром, однако, относится ко времени путешествия Екатерины в Крым в 1787 г., стихотворение Державина, где говорится о «кубарях», — к 1796 г., «Объяснения Державина» написаны еще позднее. Есть основания полагать, что «кубарить кубари» Нарышкин стал уже после того, как Екатерина придумала такое занятие для своих придворных и написала о нем в «Собеседнике».

9. Екатерина подозревала, как она писала Дашковой, что эти вопросы идут от Шувалова «в оплату за Нерешительного». В целом она, конечно же, оказалась права: Шувалов знал про вопросы, правда, согласно легенде, пересказанной Гротом, уговаривал Фонвизина вопросов не печатать [Грот, 215].
10. Знать о готовящихся публикациях Державин мог через редактора журнала Козодавлева: мы знаем, что Державин, например, был знаком с материалами 4-й книжки до ее публикации [Грот, 222].
11. Басня Фонвизина была опубликована, как известно, только в 1787 г., но написана еще в начале правления Екатерины и была широко распространена в списках.
12. Характеристика «муж славный» взята Державиным из его собственной «Эпистолы», посвященной возвращению Шувалова в Россию. Здесь Шувалов назван «мудрый муж», который «в совет на царский придет глас» [Державин, I, 53].
13. В настоящей статье мы не останавливаемся на источниках сведений Екатерины о петровской эпохе. Отметим здесь лишь тот факт, что к 100-летию юбилею Петра Великого в 1772 г., а потом к 100-летию восшествия его на престол в 1782 г. был опубликован целый ряд документов, в числе которых был, например, «Журнал или поденная записка Петра Великого» (1770–1772). Кроме того, императрица была хорошо знакома с Ф.В. Берхгольцем, который был воспитателем ее сунруга, сопровождал его в Петербург в 1742 г. и в должности обер-камергера прожил в Петербурге при Петре Федоровиче до 1746 г. Берхгольд, как известно, был в России в 1720-х гг. и оставил дневник, в котором было дано самое подробное описание петровских маскарадов, в том числе и маскарада 1723 г. Дневник был опубликован только в 1785 г., но Екатерина вполне могла быть знакома с его содержанием и ранее.
14. На этот факт указывал Д. Благой: «Державин с подлинным воодушевлением и небывалым дотоле поэтическим мастерством изображает Екатерину в облике деятельной, умной и простой — в быту, в привычках, в обращении — «Киргиз-Кайсацкой царевны», не подражающей своим ленивым и роскошествующим «мурзам» и «пашам». На последовательном противопоставлении двух фигур: добродетельной — человек на троне — и порочной — собирательный образ «мурзы» — строится первая половина оды Державина. Вторая — построена на другом контрасте, еще более широком, развивающем идею уже известного нам маскарада «Торжествующая Минерва»: противопоставляются темные стороны предшествующих царствований и благодетельные мероприятия Фелицы» [Благой, 27].

15. В 7-й книжке «Собеседника» была опубликована статья Любослова «Начертание о российских сочинениях и русском языке». Он писал: «Эпоха нынешнего времени, в которое лучи мысленного света, разливающиеся из общего средоточия». Грот считал, что под этим именем скрывался Иван Морозов, один из секретарей Екатерины [Грот, 220]. Н.Д. Кочеткова высказала предположение, что «Любослов — это епископ Дамаскин, издавший в 1778 г. собрание сочинений М.В. Ломоносова» [Кочеткова, 276].

ЛИТЕРАТУРА

- Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. М.: Л., 1952.
- Благой Д.Д. Гаврила Романович Державин. Вступительная статья // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957: 5–76.
- Грот Я. Жизнь Державина. М., 1997.
- Державин Г.Р. Сочинения с объяснительными комментариями Я. Грота. СПб., 1864–1883. Т. I–IX.
- Екатерина II. Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1901. Т. V.
- Камер — Фурьерский журнал Церемониальный, банкетный и походный журналы 1758 г. Б.г., б.д.
- Карабанов П.Ф. Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П.Ф. Карабановым // Русская старина. 1871. Т. IV. № 12: 685–696.
- Державин Г.Р. Письмо Г.Р. Державина к В.В. Капнисту от 11 мая 1783 г. Публикация Е.Н. Кононко // Русская литература. 1972. № 3: 78.
- Кочеткова Н.Д. Отзывы о Ломоносове в «Собеседнике любителей русского слова» // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.-Л., 1962: 270–281.
- Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим. Нарышкины в истории России. М., 2005.
- Пекарский П. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности. СПб., 1863.
- Собеседник любителей русского слова. СПб., 1783–1784. Ч. I–XVI.
- Сочинения Екатерины — Екатерина II. Сочинения. М., 1990.
- Степанов В.П. Полемика вокруг Д.И. Фонвизина в период создания «Недоросля» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15: 204–229.
- Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 г., января дня. М., 1763.

Хемницер И.И. Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биографическою статьею и примечаниями Я. Грота. СПб., 1873.

Ходасевич В. Державин. М., 1988.

Crone Anna Lisa. The Daring of Derzhavin: The Moral and Aesthetic Independence of the Poet in Russia. Bloomington, Indiana, Slavica Publishers, 2001.

Светлана Лучицкая (Москва)

МЕТАФОРЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА: ТЕЛО, ЗДАНИЕ, ШАХМАТЫ

Мир – это как бы шахматная доска:
одна клетка белая, а другая черная, так сменяют друг друга жизнь
и смерть, счастье и несчастье.

Из средневекового трактата

Современная лингвистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет. В более широком смысле метафора является одним из важных элементов того «символического арсенала», который мы используем для описания реальности, в том числе социальной. Не случайно средневековые моралисты широко использовали метафоры в целях объяснения устройства современного им общества. Потому изучение средневековых метафор может стать методом исследования принципов конструирования социума. Вообще социальное, как и историческое воображение строится на метафорах, и для Средневековья особенно характерно метафоричное мышление с присущей ему развитой системой символических образов. В средневековой культурной традиции в разные периоды использовались метафорические образы здания, тела, дерева и пр. Так, в XII в. популярной была метафора церкви. Гонорий Августодунский уподоблял общество церкви, в которой крестьяне олицетворяли пол¹. Это указание на низкий статус – пол попирают ногами, но это и фундамент всего здания, что означает, одновременно, и высокую оценку социальной роли крестьянского сословия. Несомненно, подобная модель отражала и повышение социального престижа физического труда.

В классическое Средневековье весьма распространенной была телесная метафора общества. Образ тела лучше всего передавал идею сотрудничества отдельных частей ради общественного блага, идею средневековой социальной гармонии. Так, автор трактата Иоанна Солсберийского «Policraticus» [см.: Policraticus. lib. I–IV]² уподобил современное ему общество телу, все части которого имеют незаменимую функцию: голова – государь, стоящий над всеми; вооруженные руки – это рыцари (milites), которые слушаются государя; ноги – крестьяне, ремесленники, кузнецы и пр. –